

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИЧЕСКИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ

Пересмотр случая Доры¹

Жаклин Шаффер

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Жаклин Шаффер – психоаналитик, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), тренинг-аналитик (SPP), лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987).

В данной статье автор размышляет над случаем Доры, молодой пациентки, проходящей лечение у Фрейда. Эссе «Фрагмент анализа истерии (Дора)» было опубликовано в 1905 году. Пересмотр анализа Доры позволяет выделить различия между симптомами истерического и психосоматического характера, которые особенно неразличимы при истерии. Современные авторы продолжают исследовать и пересматривать этот клинический случай и выделяют такие парадоксальные способы защиты при истерии, как: контридентификация, желание неудовлетворенного желания, переворачивание манипуляции, поиск репрезентации и риск депрессии в случае неудачи. В данной статье случай Доры рассматривается с опорой на современные психоаналитические исследования, в частности Парижской психосоматической школы.

Ключевые слова: истерия, истерические симптомы, психосоматические симптомы, функция симптома, конверсия, вытеснение, отреагирование, контридентификация, инверсия аффекта, перенос, контрперенос.

¹ В статью вошли материалы семинаров, проведенных Ж. Шаффер на магистерской программе «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» в НИУ ВШЭ в 2024 году.

Пересмотр случая Доры, молодой девушки, проходящей лечение у Фрейда, позволяет нам выделить различия между симптомами истерического и психосоматического характера, которые особенно неразличимы при истерии.

Случай Доры вдохновил Фрейда на ряд размышлений об инфантильной сексуальности, сновидениях, вытеснении, инверсии аффекта, идентификации, «соматическом удовольствии», функции симптома, понятии «подкрепление» и, наконец, переносе.

Современные авторы продолжают исследовать и пересматривать этот клинический случай, некоторые из этих работ я уже рассматривала ранее, и выделяют такие парадоксальные способы защиты при истерии: контридентификация, желание неудовлетворенного желания, переворачивание манипуляции, поиск репрезентации и риск депрессии в случае неудачи.

Юная восемнадцатилетняя Дора оказывается втянутой в гомо- и гетеросексуальную бурю, которая вышла на поверхность в процессе анализа. Все еще страдающая от подростковых проблем, она была отправлена на лечение к Фрейду своим отцом. Девушка жалуется на свои симптомы и на то, как ее оскорбил господин К., который пытался ее соблазнить.

Она не подозревает, что за фигурой господина К. будет в дальнейшем скрываться Фрейд, носитель отцовского переноса с его грузом амбивалентности, а также материнского переноса, игнорируемого ею так же, как и Фрейдом.

В истерии невозможно разобраться и понять ее без обращения к теории влечений и либидо. Клинического описания недостаточно. Когнитивные и поведенческие теории полностью перегружены истерией.

При истерии требуется обратиться к понятию конфликта, сексуального конфликта, который представляет собой ее символическое выражение. На мой взгляд, истерия представляет собой невротическую реакцию на вопрос о различии между полами и на загадку женского, загадку, которая оказывается проблемой при открытии различия полов. Истерия, как для женщины, так и для мужчины, обладает смыслом только в связи с фаллической позицией по отношению к женскому и отказу от женского.

Истерический аффект свидетельствует о неудаче в трансформации возбуждения в либидо. В случае истерии проявляется особая восприимчивость в отношении эмоциональных потрясений, которыми отмечено любое кризисное состояние, будь то эдипальный период, подростковый возраст, любовная жизнь, старение или любые другие экзистенциальные изменения, которые вызывают тревогу.

Когда проявление влечения наталкивается на препятствия, вызванные внутренним или внешним подавлением, возникают «кризисы». В отличие от соматических симптомов, эти кризисы являются проявлениями неудовлетворенного либидо, находящегося в состоянии застоя. Истерия порождает тревогу, не обладающую эффективной сигнальной функцией, которая остановила бы кризис. Таким образом, поддерживается избыток тревоги.

При конверсионной истерии происходит феномен иннервации сексуального конфликта в тело через обращение к полностью бессознательному

фантазматическому сценарию. Этот скачок от психического к телесному загадочен.

Но, в отличие от так называемых психосоматических симптомов, эти фантазматические и символические пути можно проследить благодаря свободным ассоциациям и психоаналитическому методу.

Именно здесь проявляется связь между истерией и сновидениями: истерический приступ имеет смысл, это воплощенный сон, поскольку мы находим здесь те же механизмы сгущения, смещения, символизации и маскировки цензурой.

Психические репрезентации, которые больше не могут быть проработаны только психически, пытаются сделать это в отношениях с другим или через обращение к конверсии – на уровне эротизированного и психизированного, а не соматического тела. В данном случае тело говорит о своих страданиях, соматическое тело страдает без слов. Истерическая защита телесно выражает конфликт между гиперэротизированной, аутоэротической инфантильной сексуальностью и контринвестированной ненавистной генитальной сексуальностью, клинически отмеченной фригидностью, замороженным состоянием и торможением.

В случае Доры возникает вопрос об источниках захвата и затопления ее Я. Девушка становится объектом извращенной сделки, которая облегчает и скрывает любовные отношения между взрослыми, и ей приходится выдерживать последствия эффектов взрослого соблазнения, пропитанного определенным «смещением языков» (*Ferenczi, 1932*). Она использует все элементы истерической защиты. Но не только.

Увлеченная зрелищем отношений своего отца с госпожой К. и зеркальным отношением к ней господина К., она внимательно изучает их. Именно через истерические симптомы и поведение подросток выражает свои вопросы о половой идентичности, различии между полами и женском. Дора провоцирует и оспаривает разницу между полами, пытаясь одновременно разгадать ее тайну и атаковать ее. Она пытается исследовать не только мужское или женское, но и отношения между ними, возбуждение и страстные поиски, которые относятся к тайнам различия между полами и генитального желания.

Ощущение, что там происходит что-то, ускользающее от ее понимания, чего она одновременно ищет, избегает и не может наделить смыслом, возбуждение, которое она испытывает, болезненное чувство отверженности вызывают в Доре нестерпимую ненависть к первосцене. Симптом, выявленный Фрейдом, – фобия влюбленных пар – свидетельствует о наличии этой ненависти.

Именно таким образом определяется истерическая первосцена.

При истерии постоянно повышается уровень возбуждения, связанного с собственными влечениями, и уровень возбуждения окружающих, через игры с тревогой и драматизацией. Если нарастание возбуждения уже невозможно контролировать, играя с отношениями, тревогой и ревностью, идентификациями и истерическими симптомами, в танец вступают телесные симптомы.

В истерическом приступе интроекция влечения приводит к инкорпорации возбуждения – в иннервацию эротического тела.

При конверсии подавление играет свою роль: подавленный аффект проявляется в «прекрасном безразличии», а Я реагирует так, как будто симптом не принадлежит его психике. Если нет доступа к сексуальному наслаждению или к достаточно хорошо связывающей репрезентативной деятельности, наступает кризис или истерический припадок.

При истерии вытеснения недостаточно, поскольку вытесняется слишком много и недостаточно хорошо. Поэтому истеричка всегда находится в зоне риска появления припадка из-за нарушения условий вытеснения.

Далее Фрейд выдвигает свою теорию о вкладе двух сторон в формирование истерического симптома. Симптом не может возникнуть без определенного «соматического снисхождения», которое дает психическим процессам возможность выхода на телесном уровне, и именно истерический процесс вторично придает ему психический смысл.

Дора дает нам ключ к пониманию истерического соблазнения. Очевидно, что она сделала все, чтобы соблазнить господина К. Ее игру в соблазнение следует понимать как двойной парад, в двойном смысле этого слова: как демонстрацию и как защитную стратегию, одновременно антиэротическую и антидепрессивную.

Я использовала метафору рубина для описания подобных процессов, потому что красный, тональность сексуального, – это цвет, который рубин одновременно отбрасывает и поглощает, вбирая в себя все остальные цвета спектра. Это иллюстрирует тип защиты истерического Я, в которое вторгается либидо, суть которой заключается в выделении и демонстрации сексуального для того, чтобы защитить себя от него. В этом и заключается парадокс подобной защиты от влечений, от эротического, которое предстает в обличье влечения, самого что ни на есть эротического.

Истеричка проецирует ненавистную сексуальность на тело другого человека, соблазняя его, провоцируя и возбуждая его желание. Реакция другого может для нее ощущаться как неожиданность, нападение или изнасилование. Огражденная от влечений вытеснением, она соблазняет, как ребенок соблазняет взрослого, в абсолютной прекрасной невинности. Цель – возбудить партнера по игре, возбуждая объект этого партнера, поддерживая таким образом постоянное эротическое напряжение между тремя участниками первосцены, контролируемой ребенком. Эта эротизированная агрессия позволяет оказывать воздействие на возбуждающую и ненавистную первосцену. В этом смысл игры в ревность.

Если игра не удастся, истеричка оказывается обманутой в своей роли «возбудителя». Когда господин К. говорит ей: «Моя жена ничего для меня не значит», повторяя слова ее отца, Дора дает ему пощечину. Именно в этот момент ее истерия перестает справляться, больше не может создавать заслон для пустоты и неопределенности ее половой идентичности. Депрессия сигнализирует о крахе истерической защиты и либидинального совозбуждения. Истеричка возвращается к мучительным страданиям брошенного ребенка, переполненного возбуждением, которое невозможно переработать. Отсюда возникает необходимость «заставлять хорька

бежать» (французская песенка) от одного возбуждения к другому, для того чтобы держать в напряжении желание, свое и другого. И для того, чтобы существовать...

Одной из отличительных характеристик истерии можно назвать подвижность и лабильность идентификаций.

Говоря об «идентификации с ненавистным человеком», Фрейд утверждает: «Это полный механизм формирования истерического симптома» (Freud, 1921). Истеричка хочет быть похожей на другого, независимо от того, желанный он или ненавистный. Таким образом, истеричка идентифицируется «против», используя контридентификацию. Речь идет о парадоксальной идентификации: вместо того чтобы стремиться к «десексуализации» отношений с инцестуозными объектами, изымая оттуда эротические инвестиции и трансформируя объектное либидо в нарциссическое либидо, эта идентификация будет использоваться как «сексуальный театр», для того чтобы поддерживать эротические отношения и избегать горя по первичным объектам.

Однако эти внутриспсихические процессы не являются устойчивыми, поскольку не приводят к подлинному процессу интроекции, позволяющему обрести независимость и отказаться от использования внешнего объекта.

Истерическая идентификация происходит за счет идентификации с желанием другого, вызывающего зависть и ненависть соперника, и поскольку это желание не может быть исполнено, оно приводит субъекта к отказу от желания.

Желание быть другим – это в то же время желание устранить другого.

Именно этот агрессивный компонент контридентификации приводит к тому, что эротизация продолжает сохраняться в неудовлетворенности, в «желании неудовлетворенного желания».

Истерическая контридентификация сохраняет инвестирование в объект; но это также инвестирование «против», контринвестирование. Истеричка вытесняет невыносимое влечение путем контринвестирования ненавистного объекта, то есть путем идентификации с соперником, но при этом «против» него.

Фрейд использует термин «заимствование» при описании идентификации с определенной, унарной чертой характера. Это то, что производит «эротическое сообщество». Отсюда тенденции к заражению симптомами среди молодых девушек, например в монастырях.

Фрейд отмечает, что гиперсознательная мысль может быть проявлением антагонистической и глубоко вытесненной мысли. Это то, что он называет «бессознательным усилением».

В случае с гомосексуальным влечением, влечения, направленные на мужчину, вытесняются, а усиление проявляется в виде желания мести. Но усиление работает в обе стороны, оно становится источником сильного разочарования Доры в связи с предательством госпожи К., с которой у нее были очень близкие отношения и для которой она была доверенным лицом.

Здесь мы находим все процессы смещения позитивного и негативно-го Эдипа, способность идентифицироваться со всеми персонажами первосцены: быть мужчиной в отношениях с матерью, и женщиной – с отцом. В 1908 году Фрейд добавил к истерическому симптому еще одну составляющую – значение бисексуального фантазма. Именно исследуя этот случай, он определил психоневрозы как негатив перверсии. Он также заложил здесь основы понятия «отрицание», которое он по-настоящему теоретизировал только в 1925 году.

Истерическая идентификация – это бессознательный интрапсихический процесс, который остается в рамках Я и аутоэротической игры субъекта. Другой используется для того, чтобы обеспечить выражение влечения и его контринвестирование. Реальный партнер может оставаться в полном неведении об этом, его инаковость не ставится под сомнение.

Иначе обстоит дело с тем, что Мелани Кляйн называла «проективной идентификацией» (*Klein, 1946*). Это межличностный, а не только внутриспсихический процесс, в котором другой больше не используется как театр для игры влечений, но как место проекции с целью изгнания, контроля, а также смешения и отсутствия дифференциации.

В этом случае партнер может реально чувствовать на уровне внутренних ощущений, что он захвачен, контролируется, находится под властью субъекта, что им манипулируют как частичным объектом, отрицая его инаковость.

Эти два способа идентификации могут использоваться при истерии.

У истерички цикл интроекции-проекции непрерывен: проекция через драматизацию и соблазнение, частичная интроекция через истерическую идентификацию, и ставится под сомнение противопоставление внутриспсихического и межличностного, поскольку нестабильность этих процессов всегда несет в себе угрозу соединить проекцию и истерическую идентификацию в описанный Кляйн процесс проективной идентификации.

Согласно другой гипотезе, если истеричка заимствует либидо у ненавистного и вызывающего зависть человека, то это происходит не только для потребностей контринвестирования, но и для потребностей в репрезентации.

Обращение к внешнему объекту, провал вытеснения, необходимость постоянно вытеснять недостаточно изменившие форму влечения, интенсивная трата энергии – все это осуществляется в ущерб качеству и функциональной ценности звеньев цепи репрезентаций, а также нормальному функционированию предсознательного.

Истеричка находится в состоянии постоянного репрезентирования, но для кого? Ее аффективный и сексуальный запрос на самом деле является поиском «формы для репрезентации».

Вот почему истеричка так разочаровывается, когда ей отвечают сексуально или даже аффективно – это воспринимается как знак того, что она не была услышана на уровне ее предсознательного. «Если ты меня любишь, то это значит, что ты меня не желаешь». «Если ты меня хочешь, это значит, что ты меня не любишь».

Это постоянно приводит ее к «смещению языков», по определению Ференци, путанице между желанием и нежностью, поскольку потребность истерички не должна быть удовлетворена, у нее есть «желание неудовлетворенного желания». И вот цикл начинается снова...

Может быть, мать истерички плохо позаботилась о том, чтобы обеспечить переход своего ребенка от чрезмерно эротизированной встречи тела с телом к отношениям на уровне слова? Или же «смещение языков» возникло слишком рано, из-за ненависти к словам слишком сексуальной матери?

Бисексуальные фантазмы истерички отражают ее конфликты идентификации с тем или иным участником первосцены, которая отмечена фаллической прегенитальностью, и поэтому она непереносима, ранит и вызывает ненависть. В данном случае речь идет о «псевдобисексуальности».

Отреагированное инсценирование бисексуальности как раз и свидетельствует о неспособности интегрировать психическую бисексуальность на уровне перекрестных идентификаций эдипова комплекса, позволяющих освободиться от реальных первичных объектов и получить доступ к латентности, подготавливающей к эффекту последствия в пубертате. Господин К., ее отец и сама госпожа К. называют Дору лгуньей. Ее собственное желание, которое могло быть вытеснено благодаря проекции на соблазнение господина К., не только раскрывается, но и дисквалифицируется и презирается. Соблазнитель оказывается невинным. Женственность Доры высмеивают. Дора достигает высшей степени эдипального гетеро- и гомосексуального разочарования. Дора не может простить своему отцу, говорит она Фрейду, продолжения его отношений с господином К. и особенно с госпожой К.

Именно здесь происходит крах истерической защиты с использованием отношений. Если Дора не находится больше в центре первосцены, если она из нее исключена, если ее предали, то ненависть вырывается наружу. Ненависть к паре. Ненависть к господину К., в которого она была влюблена, но который предал ее. Ненависть к госпоже К. и гувернантке, которые использовали девушку, чтобы сблизиться с ее отцом. Ненависть к отцу, который отрицает ее женскую сексуальность. Только ненависть к матери остается скрытой. Ненависть, направленная на Фрейда в различных вариантах переноса, которые он не мог воспринять, предотвратить или интерпретировать, привела к тому, что лечение было прервано.

Фрейд не увидел пожар любви и ненависти в переносе, будучи настолько занятым исследованием сцены сновидения или соматической сцены. В отличие от сексуальной травмы, нарциссическая травма, которую сложнее проработать, будет давать больше симптомов психосоматического регистра.

Психосоматические аспекты

Если возбуждение не удастся психизировать во влечение или если влечение деградирует в возбуждение, мы можем наблюдать появление так называемых «психосоматических» расстройств.

Ранее Фрейд описывал мигрень и некоторые респираторные расстройства как имеющие то же происхождение, что и актуальные неврозы. Он не рассматривает эти аспекты симптомов в случае Доры.

Фрейд был одновременно психоаналитиком Доры и лечащим врачом отца, который страдал от многочисленных болезней, включая туберкулез легких и церебральные нарушения сифилитического происхождения. У матери был «психоза домохозяйки».

Доре было 18 лет, когда отец направил ее к Фрейду. Поводом для консультации послужило беспокойство отца: после ссоры между родителями Дора потеряла сознание, у нее начались конвульсии и бредовое состояние.

Она страдала от соматических симптомов, таких как приступы кашля и афония, а также от расстройств характера, включая проявление агрессивности в социальных отношениях, и, наконец, у нее были моменты депрессии, сопровождающиеся астенией.

Можно представить, что здесь действуют два бессознательных фантазма:

- один из них находит свое символическое выражение: кашель;
- второй, заблокированный, проявляется в головной боли и выводит Дору на соматический путь.

В наблюдениях Фрейда есть пробел, связанный с его контрпереносом: смертоносная атмосфера, в которой развивается история Доры. Отцу угрожает смерть, как от легочного туберкулеза, так и от сифилиса.

Симптом мигрени у Доры совпадает с появлением спутанности сознания у отца, что создает угрозу объективной потери. Однако в 16 лет мигрени исчезли, сменившись афонией, несомненно, конверсионной.

Соматизацию можно рассматривать как отреагирование (*acting in*) с изменением репрезентации границ тела. Существует тесная связь между «соматической снисходительностью» и изменением образа тела, или неопределенностью его границ.

Фрейду не хватало важнейшего теоретического инструмента, на который сегодня ссылаются психосоматические психоаналитики.

Это «первичный эрогенный мазохизм», которому Фрейд позже припишет функцию жизненно важной защиты от внутренней деструктивности, кроме того, он выступает в качестве первичной связи между влечением к смерти и влечением к жизни (*Freud, 1924*). Во время описания этого случая Фрейд признал свою неспособность заметить перенос и справиться с ним. А в 1923 году он признал, что также упустил из виду гомосексуальность пациентки. Таким образом, Дора была склонна реализовывать свои фантазмы, а не переживать их в процессе лечения.

В заключение следует отметить, что контрперенос Фрейда, который находится в процессе переработки, позволяет нам подойти к истеризации переноса и через перенос. Истерия включает в себя взгляд и аффекты другого, то есть перенос и контрпереносные реакции, сексуальную и межличностную динамику. Лечение производит «истеризацию переноса», в том

смысле, что хорошая способность к истеризации необходима для принятия влечения в Я и для способности открыться незнакомцу, воплощенному аналитиком.

Восстановление смысла из бессмысленного кризиса можно сравнить с процессом вторичной истеризации.

Как писали два наших предыдущих французских автора (1975), человеческая сексуальность истерична по своей структуре. Все люди сталкиваются с истерией, так же как и с соматическими симптомами.

Revisiting Dora's case

Jacqueline Schaeffer

(Translation from French: O. V. Chekunkova)

Jacqueline Schaeffer, psychoanalyst, full-time member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), training analyst of SPP, winner of the Maurice Bouve Psychoanalytic Prize (1987).

In this article, the author reflects on the case of Dora, a young patient treated by Freud, whose essay "Fragment of an Analysis of Hysteria (Dora)" was published in 1905. A revision of Dora's analysis highlights the differences between hysterical and psychosomatic symptoms, which are particularly indistinguishable in hysteria. Contemporary authors continue to explore and revise this clinical case and highlight paradoxical defences in hysteria such as: counteridentification, desire for unmet desire, inversion of manipulation, representation seeking and risk of depression if unsuccessful. In this article, Dora's case is discussed with reference to contemporary psychoanalytic research, particularly that of the Paris Psychosomatic School.

Keywords: hysteria, hysterical symptoms, psychosomatic symptoms, symptom function, conversion, displacement, reenactment, countertransference, affect inversion, transference, countertransference.